

В. М. РУСАНОВСКИЙ

ВОПРОСЫ НОРМЫ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Понятия литературного языка и языковой нормы — т. е. общественно осознанного и узаконенного практикой отбора языковых средств — неразрывно взаимосвязаны. По отношению к современным литературным языкам это положение не оспаривается. Возникают, однако, сомнения, можно ли считать норму обязательным признаком литературных языков старшего периода, отличающихся, как известно, большой вариативностью языковых средств. Отрицание нормы в этом случае было бы равносильно отказу им в праве называться литературными. Вариативность можно рассматривать как одно из доказательств наличия нормы в донациональных языках: ведь выбор средства выражения предполагает возможность выбора.

Прежде чем перейти к обоснованию этих положений, следует остановиться на системной взаимосвязанности понятий «национальный литературный язык», «донациональный литературный язык» и «языковая норма». В употреблении и толковании этих терминов до сих пор нет точности и согласованности ¹.

С исторической точки зрения можно говорить о донациональных литературных языках и национальных литературных языках. Разница между обоими типами литературных языков не только социально-историческая; они отличаются друг от друга также характером функционирования, стилевой разветвленностью, источниками развития, а отсюда различным характером языковой нормы ². Объединение этих типов под общим названием «литературный язык» возможно потому, что оба они, во-первых, нормированы, т. е. при выборе средств выражения ориентируются на узаконенные общественной практикой употребления варианты; во-вторых, имеют наддиалектный характер.

Донациональные литературные языки (или литературные языки донационального периода) делятся на международные и литературные языки народностей. Первый тип в донациональный период преобладает. Так, не нуждается в специальных доказательствах международный характер латинского языка в Западной и Центральной Европе, арабского — в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, старославянского — на

¹ См.: В. В. Виноградов, Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития, М., 1967, стр. 70, 98—99.

² В применении к литературному языку периода развития нации можно употреблять термин «общенародный язык». Однако понятия национального литературного и общенародного языка не совпадают. Последний является абстракцией от литературного национального и различных внелитературных территориальных и социальных разновидностей, взаимодействующих с данным национальным литературным языком, имеющих с ним общую основу и находящихся под его влиянием. При ретроспективном диахронном изучении общенародного языка по отношению к нему можно также пользоваться термином «этнический язык» (см.: S. Urbāńczyk, Rozwój języka narodowego. Pojęcia i terminologia, сб. «Z dziejów powstania języków narodowych i literackich», Warszawa, 1956, стр. 12).

Руси и у южных славян³. Наддиалектным типом языка, функционировавшим на правах международного, можно назвать также деловой язык Юго-Западной Руси XIV—XV вв. (украинско-белорусский), который являлся видоизмененным (под влиянием местных говоров и латинских юридических документов)⁴ вариантом делового языка Киевской Руси. Югозападнорусский литературный язык был не только общим деловым языком украинцев и белоруссов; определенное время он выполнял также роль международного языка в Польше, Литве и Молдавии⁵.

Второй тип донационального литературного языка был ограничен рамками определенной языковой и этнической территории и в период сложения наций становился базой или одним из компонентов формирования национального литературного языка. Эту разновидность литературного языка донационального периода представляют старорусский (среднерусский), старочешский, старопольский, старословацкий («бернолаковщина»), старобелорусский и староукраинский (XVI — середина XVIII в.) языки.

Характерно, что литературные языки народностей, как правило, сосуществовали с международными языками. «В XV—XVII ст., т. е. в эпоху существования языка великорусской народности, не было единого литературного языка как в сфере письменной, так и в сфере устной речи. В сфере письменной речи, которая является для нас единственно прямым источником изучения языковых процессов того времени, находились в употреблении два близкородственных языка: церковнославянский и народно-литературный»⁶.

У южных славян международный старославянский язык, в определенной мере сербизованный (до середины XVIII в. — «сербульский» тип, а с конца XVIII до начала XIX в. — «славяно-сербский» тип) или болгаризованный, существовал как единственный репрезентант письменно-литературного языка. Становление литературных языков народностей донационального периода здесь не завершилось, возможно, в связи с отсутствием нормированного делового языка⁷.

Место донациональных литературных языков в формировании национальных литературных определялось: 1) степенью близости к живому разговорному языку, представленному диалектами и городским койне, а также степенью диалектной раздробленности той языковой территории, на которой он функционировал; 2) близостью к литературному международному языку, употреблявшемуся параллельно на этой же языковой территории. Интересно, что оба фактора, обуславливающие место древнего литературного языка в структуре нового, национального литературного языка, состоят в отношении обратной зависимости: структурная отдаленность литературного языка народности от международного языка

³ См.: Н. И. Толстой, Древнеславянский язык как общий литературный язык южных и восточных славян, «Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени», М., 1960, стр. 33—38.

⁴ См.: Л. Л. Гумецкая, Общие и специфические особенности формирования украинского литературного языка, «Славянские литературные языки в донациональный период (Тезисы докладов)», М., 1969, стр. 8.

⁵ См.: W. Kuraszkiewicz, Plo społeczne rozwoju polskiego języka literackiego, сб. «Z dziejów powstania...», стр. 74; Я. Дашкевич, Турецьке дипломатичне листування українською мовою в 40-х рр. XIX ст., «Slavia», XXVIII, 1, 1969, стр. 110.

⁶ Ф. П. Филин, К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка, сб. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков», М., 1962, стр. 24.

⁷ См.: Н. И. Толстой, Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв., сб. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков», стр. 8.

(старопольский, старочешский языки — латинский язык) обуславливала его тесную связь с живым языком значительных политических центров и основными диалектами⁸; наоборот, структурная близость литературного языка народности к международному языку (старорусский — старославянский; староукраинский и старобелорусский — старославянский и юго-западнорусский деловой язык) отводила диалектам и живому языку городов второстепенную роль⁹.

Вполне естественно, что те донациональные литературные языки, которые сосуществовали с международными донациональными языками отличной структуры, сыграли более заметную роль в формировании национальных литературных языков¹⁰, нежели те, что сосуществовали с международными донациональными языками близкой структуры. В последнем случае донациональные литературные языки обоих типов конкурировали между собой за место в составе национального литературного языка. Например, можно говорить о том, что современные польский и чешский национальные литературные языки сложились на базе соответствующих литературных языков донационального периода¹¹. Современный русский национальный литературный язык, слагаясь на базе московского койне, которое становится образцовым, общерусским и утверждается в больших городах¹², в большей мере опирался на донациональный международный язык (церковнославянский), чем на старорусский. Правда, границы между обоими языками ко времени формирования национального русского были довольно условными¹³. Словенский литературный язык в донациональный период (протестантская литература XVI в.) базировался на группе нижних диалектов. С середины XVIII в., превращаясь в национальный, древ-

⁸ Вследствие этого национальные польский и чешский языки мало связаны с каким-то определенным диалектом (см.: W. Ku r a s z k i e w i c z, указ. соч., стр. 39), поскольку нивелиция диалектов состоялась еще при формировании литературного языка донационального периода.

⁹ С этой точки зрения представляет интерес мнение Д. Брозовича о том, что Вуку Караджичу было значительно труднее создавать стандартный сербский язык, чем Кемалю Ататурку стандартный турецкий: последний отталкивался от иносистемного языка — арабского, тогда как для появления первого нужно было преодолеть традиции употребления близкородственного церковнославянского, функционировавшего для выражения интеллектуальных и абстрактных понятий (D. B r o z o v i c, Vuk i naš standardni jezik, «Mogućnosti», 11, 1964, стр. 912).

¹⁰ Ср.: «К языку Яна Гуса и Краллицкой библии были обращены взоры создателей чешского национального литературного языка. Язык художественной польской литературы, начиная от Рея и Кохановского, был во многом образцом при нормировании польского литературного языка XIX в.» (В. В. В и н о г р а д о в, указ. соч., стр. 64).

¹¹ Что касается польского литературного языка, то в нем, очевидно, переход от одного периода к другому характеризовался значительным расширением стилистических возможностей и качественным скачком в развитии устной литературной речи (ср.: S. U r b a ŋ s z y k, указ. соч., стр. 35). Заметных изменений на всех уровнях, кроме лексического, при превращении донационального польского литературного языка в национальный не произошло (ср.: T. L e h r - S p ł a w i ŋ s k i, Język polski. Pochodzenie, powstanie, rozwój, Warszawa, 1947, стр. 298 и далее). Между чешскими донациональными и национальными литературными языками существовал значительный хронологический разрыв (R. A u t y, Někteřé problémy vývoje slovanských spisovných jazyků, «Slavia», XXVII, 2, 1958, стр. 164). Поэтому чешский национальный литературный язык, в основе которого лежал донациональный, непосредственно не был связан не только с каким-то определенным диалектом, но и ни с одним из существовавших в то время интердиалектов. Между чешским литературно-письменным языком национального периода и устными формами общения возник разрыв, который заполняют: разговорный вариант литературного языка, народно-разговорный язык высшего типа, близкий к разговорному варианту литературного языка, областные интердиалекты, являющиеся переходным типом от диалектной речи к литературной (ср.: K. H a u s e n b a l a s, Styly jazykových projevů a rozvrstvení jazyka, SaS. XXIII, 3, 1962, стр. 190).

¹² Ф. П. Ф и л и н, указ. соч., стр. 27.

¹³ Там же, стр. 24.

ний словенский литературный язык опирался на группу верхних диалектов. Следовательно, новый литературный словенский язык фактически строился на компромиссе между обоими средними диалектами¹⁴. При формировании украинского национального литературного языка роль нормализующего компонента играл прежде всего донациональный украинский литературный язык, который успел уже к тому времени сплавить югозападнорусский и церковнославянский компоненты вместе с элементами народных говоров и городского просторечия в единое целое. В развитии белорусского литературного языка не было прямой наследственности между донациональным и национальным периодами¹⁵, так как после выхода из употребления старобелорусского литературного языка новый, национальный литературный язык возник не сразу¹⁶.

Что же касается литературных языков, в истории которых не было донационального периода, то они формируются, как правило, на двух основаниях: диалектном и фольклорном, составлявшим вместе своеобразное койне¹⁷. Так, современный сербский язык вследствие проведенной Вуком Караджичем реформы складывался на базе новоштокавского фольклорного койне¹⁸.

Каково же место языковой нормы как главного показателя стандартизованности языка в донациональный и в национальный периоды? При ответе на этот вопрос ограничимся только рассмотрением международного югозападнорусского языка, донационального украинского литературного языка и национального украинского литературного языка.

Понятие нормы исторически обусловлено. Его определяет, прежде всего, характер и соотношение компонентов рассматриваемого языка. Норма предполагает наличие вариантных способов выражения¹⁹. Вариантность выражения как реальность или как потенциальная возможность свойственна и литературным языкам донационального периода, и национальным литературным языкам. Литературные языки донационального периода и национальные литературные языки различаются не по отсутствию нормы в первом случае и наличию ее во втором, а по отношению к источникам становления и развития вариантов. Литературные языки донационального периода поддерживают стабильность своей системы путем отрицания разговорных, прежде всего диалектных, вариантов²⁰.

На лексическом уровне это достигается ориентацией на один из наиболее активных в данный период литературных источников. Таким источником для украинского (и белорусского) делового языка XIV—XV вв.

¹⁴ R. A u t y, указ. соч., стр. 165.

¹⁵ Л. М. Ш а к у н, Образование белорусского национального литературного языка, сб. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков», стр. 121.

¹⁶ Там же, стр. 119.

¹⁷ Ср.: В. В. В и н о г р а д о в, указ. соч., стр. 62.

¹⁸ D. В г о з о в і ć, указ. соч., стр. 912.

¹⁹ Ср.: К. С. Г о р б а ч е в и ч, Нормы литературного языка и толковые словари, сб. «Нормы современного русского словоупотребления», М.—Л., 1966, стр. 7—8.

²⁰ Речь идет о литературных языках с древними письменными традициями, которыми предшествовали письменно-литературные языки иного качества (например, донациональному украинскому — международный деловой украинско-белорусский, деловому украинско-белорусскому — деловой язык общерусский и т. п.). Что же касается языков донационального периода, развившихся на базе устноразговорного «культурного диалекта» или интердиалекта под влиянием другого международного языка, то их нормы отличаются «меньшей ригористичностью» (S t. U r b a ñ c z y k, указ. соч., стр. 33). В связи с этим некоторые исследователи истории славянских литературных языков утверждают, что по отношению к литературным языкам донационального периода следует говорить не о норме, а о языковом образце (W. T a s z y Ń s k i, *Geneza polskiego języka literackiego w świetle faktów historyczno-językowych*, «Lingua posnaniensis», 3, 1951, стр. 222). Справедливые возражения по поводу употребления этого термина см.: S t. U r b a ñ c z y k, указ. соч., стр. 34.

был древнерусский деловой язык и, частично и не раньше XV в., — польский; для украинского литературного языка донационального периода в XVI — первой половине XVII в. — польский и в определенной степени церковнославянский, во второй половине XVII — XVIII в. — церковнославянский, со временем русский. Нельзя, однако, не отметить, что расширение функций донационального языка и реформационные веяния, проникавшие на Украину с Запада, принуждали лиц, пользующихся литературным языком, все чаще обращаться к народно-разговорному языку. Это приводило к появлению на всех уровнях языка сперва стилистически нейтральных, а со временем стилистически дифференцированных дублетов, которые вследствие широкого проникновения в письменные источники постепенно приобретали значение вариантов нормы²¹.

Характерные примеры введения ненормативных стилистически нейтральных слов в старый украинский литературный язык содержит Пересопницкое евангелие 1556—1560 гг., представляющее одну из первых попыток перевода канонического текста в истории украинского языка. Традиционно употребляемые церковнославянские, нередко греческие или древнееврейские по происхождению, слова объясняются в тексте украинскими народно-разговорными или заимствованными западнославянскими, например: *кѣкобѣ* (або коурица)²² (Пе, 283), *пѣрь* (честь або калацію) (284 об.), *бѣновою* (або фоудоментъ) (286 об.), *на рамена свои* (або на плечѣ) (287 об.), *десѣть драгѣ* мѣ (або десять гривень. або десять грошей) (288), *вѣ висѣ сонѣ* (в шарлатѣ а в дорогомѣ одѣнѣ) (293 об.), *на кровѣ* (на дахоу. або на стрѣбѣ) (298), *фѣрисей* (законникѣ) (299 об.), *мытарѣ* (ювногрѣшникѣ) (299 об.), *вѣ скоудѣлницѣ* водоу понесе(т) (в збанкоу. або в глекоу) (318), *без мѣхѣ* ѿ бѣзѣ *мѣгалищѣ* (без мѣшка. або безѣ калиты) (320 об.), *коурѣ* запѣ(л). (або пѣвень) (323), згѣтовалѣ *арѣматѣ* ѿ *миро* (пахочуци рѣчи и масти) (329 об.), трѣтегѣ пакѣ дѣна бы(л) *брѣжѣ* вѣ канагалилен (весѣла) (346 об. — 347), ѿ рѣклѣ *ѣмоу*, *равѣи* [томуу выкла(д) оучѣлю] (349), злий *дѣла* (оучинѣки) (351), *колодѣзѣ* *йковѣ* [стоу(д)на або криница] (353), *скѣти* *ѣгѣ* (товарѣ, або быдло) (354) и др.

Акклиматизация простонародных слов в старом украинском литературном языке приводит к стилистической дифференциации традиционно употребляемых слов и нововведений, а отсюда — к возникновению двух разновидностей староукраинского языка: языка «простого», «русского» и языка «славеноросского». Это стихийное распределение закрепляется в практике после разработки в стенах Киевской академии теории трех стилей²³.

На фонетическом уровне ненормативные варианты могли допускаться либо как результат невнимательности и незнания литературных стандартов, либо вследствие введения новых слов, не охваченных еще влиянием литературных норм. Последние этимологически не совпадали с традиционными древнерусскими или церковнославянскими словами. Стилистической роли ненормативные (народно-разговорные) варианты не играли, однако чаще всего их можно встретить в источниках, написанных «простым языком», — документах местного самоуправления.

²¹ «Новые элементы, проникающие в язык (инновации) и утверждающиеся в нем, — пишет А. Едличка, — имеют, как правило, характер вариантов по отношению к традиционным элементам» (A. Jedlička, Studium současných spisovných jazyků slovanšských a problematika variantnosti normy, SaS, XXIX, 2, 1968, стр. 120).

²² В тексте оригинала украинские синонимы-соответствия пишутся красными чернилами и обводятся рамками.

²³ См.: И. К. Білодід, Вчення М. В. Ломоносова про три стилі і його значення в історії російської і української літературних мов, «Ломоносовський збірник», Київ, 1963, стр. 40—41.

На морфологическом уровне норма допускала довольно широкий выбор вариантов. Среди них различаются: позиционные (фонологически или морфологически обусловленные), например, *-н/-ен-* (варианты суффикса страдательных причастий прошедшего времени, первый из которых выступает после гласных основы, второй — после согласных), *-ова-* $\left| \begin{smallmatrix} -ую- \\ -уе- \end{smallmatrix} \right.$ (варианты суффикса основы глаголов I класса), морфологические, например, *-у/-ови* (варианты флексии дательного падежа ед. числа существительных мужского рода, в равной степени допускаемых системой старого украинского литературного языка), графические и графически-фонетические, например, *-ти, -ті, -ты* (графические варианты суффикса инфинитива, возможно, отражающие уже в период XIV—XV вв. существующие варианты произношения) и стилистические. Среди последних можно выделить варианты книжного, церковнославянского происхождения, например, *-ч- [-щ-]* (варианты суффикса причастий и деепричастий настоящего времени, первый из которых характеризует восточнославянскую морфологическую структуру, второй — структуру церковнославянского языка) *-мѣ- [-мо]* (варианты аффикса 1-го лица ед. числа настоящего будущего времени, первый из которых является традиционным, а второй — усвоенным из народно-разговорного языка).

Тенденции развития нормы в старом украинском литературном языке (включая и деловой украинско-белорусский язык XIV—XV вв. — факт истории украинского и белорусского языков донационального периода) отчетливо видны при анализе изменений в соотношении вариантов глагольных аффиксов в различные периоды. Например, аффикс возвратных глаголов в деловом языке XIV—XV вв. состоит (не принимая во внимание документов, написанных латинским письмом) из четырех пар вариантов: *сѣ-/сѣ* (вариантная пара, отражающая возможность употребления аффикса в пре- и постпозиции), *ся-/ся, сѣ-/сѣ, се-/се*. Каждой из этих пар противопоставлен сокращенный позиционный вариант *-с*. Если варианты *сѣ-/сѣ* и *ся-/ся* отражают общеязыковые правописные нормы и встречаются в документах со всей украинско-белорусской территории, а также с польских, литовских и молдавских земель, то *сѣ-/сѣ* характерен только для молдавских грамот. Он отражает свойственную именно этому региону взаимозамену букв *е, ѣ, а*, и²⁴. Варианты *се-/се* свидетельствуют о диалектной неоднородности делового языка XIV—XV вв. и встретились только в двух документах — письме польского короля Казимира гродненскому наместнику Александру Юрьевичу (Радомль, 1489) и в разграничительной грамоте Ванько Чжусича из Квасилова (Львов, 1478). Наличие варианта *-с* дает право предполагать существование сокращенного возвратного аффикса в определенных фонологически обусловленных позициях. Это предположение подтверждает материал следующего периода в развитии старого украинского литературного языка.

Развитие нормы в литературно-письменном языке донационального периода происходило прежде всего в плане определенного сокращения графических и графически-фонетических вариантов. Ср. употребление отдельных аффиксов, представленных вариантными рядами в XIV—XV и XVI—XVIII вв.: $\frac{-ти, -ты, -ті, [-ть, -тѣ]}{-т}$, $[-чи] > -ти, -ты, [-ть/-т]$, $[-чи]$ (жяловати Улян., 12; обѣменѣты Гр. Влад.; роубати, оупоуцати Роз., 56; давати Укр. гр., 15; брать Укр. гр., 18; писати Улян., 65;

²⁴ В. Я ро ш ен ко, Українська мова в молдавських грамотах XIV і XV ст., «Збірник Комісії для дослідження історії української мови», I, Київ, 1931, стр. 262—263.

торговать Роз., 1; прилучитсѣ Укр. гр., 18; даѣ, загинуѣ Роз., 71; наѣчи Роз., 18 — мѣвити Бер., Сл., 109; ползоватися В. 1786, 144; молчать В. цн, 12; убитъ Розм., 101; быт АЮЗР, 8/III, 217; росказаѣ Ж., 43; мочи ПЕ, 142; спомочи АЮЗР, 1/I, 41 и др.); пере-, [пре-, прѣ-] > пере-, [пре-] (переходиѣ Роз., 52; перевозили Укр. гр., 49; прѣѣзлюбленнѣх/ Укр. гр., 61 — перебыѣает Бер., 59; пребѣываетъ Пан. Рог., 27, Пал., 320 и т. п.).

Интересно отметить, что в языке XVI — первой половины XVII вв. не встречаются употребляемые в деловом языке XIV—XV вв. отдельные локальные варианты, не свойственные, очевидно, большинству местных говоров и городскому просторечию. Например, в деловом языке XIV—XV вв. засвидетельствованы формы деепричастий с вариантом аффикса -о (оузревѣшо, не хотѣчо Роз., 72), не фиксируемые памятниками более позднего времени.

Основные изменения в употреблении морфем происходят в двух направлениях: 1) появление новых морфем, свойственных, очевидно, структуре народно-разговорного языка со всего этнического пространства Украины, что подтверждается территориальным распределением источников, содержащих эти формы; 2) расширение вариантных рядов морфем за счет элементов, заимствуемых из основных источников пополнения украинского литературного языка донационального периода: а) церковнославянского языка; б) польского языка; в) народно-разговорного языка.

В XVI — первой половине XVII вв. спорадически, а во второй половине XVII—XVIII вв. регулярно, хотя сравнительно с другими элементами морфологической структуры не часто, входит в постоянное, не ограниченное территориальным происхождением памятников и их стилиевой принадлежностью употребление парадигма аффиксов будущего синтетического времени -му, -меш, -ме, -мемо, -мете, -муть, например, *торгати́муть* ДОС, 33; *подлежати́муть* ЦАЛМ, 11; *ночовати́муть* АЮЗР, 1/VI, 103; сѣ *ненадевати́муть* КА, 492; *мовити́муть* Г. К., 140²⁵; *видѣти́муть* ib., 139; *бачити́муть* ib., 140; *лежати́мемъ*, *лежати́мете* Рад. Ог. 281; *мѣтити́муть*, *мѣтити́муть* ib., 329, и др.

На протяжении всей истории украинского литературного языка донационального периода в нем активно употреблялись идущие из юго-западных диалектов — не без регулирующего влияния польского языка — позиционно не фиксированные личные аффиксы глагольных форм прошедшего времени $\frac{-емъ, -ем/-омъ}{-мъ, -м}$ — *-есъ-есъ/-съ, -с* и др., например: *абымъ освѣдчилъ* Пал., 318; *которого съ визналъ* Пал. 359; *допѣлесь* В. цн., 12; *упѣлесь* Розм., 99; *почалисьмъ* Бер., 65 — *упросилемъ* Прот., 121; *продалемъ* АКПУГ II, 81; *моглемъ/мъ* К. Зин., 15; *вчинилемъ/съ* К. Зин., 17; *смю зрозумѣли* Галат., 762а; *приближисми* Прот., 121 и т. д. Личные аффиксы прошедшего времени в истории старого украинского литературного языка имеют тенденцию к уменьшению: в XVI — первой половине XVII в. средняя частота этих аффиксов равняется 2,62 (при $\varepsilon = 0,45$), а во второй половине XVII—XVIII в. соответственно 0,6 (при $\varepsilon = 0,55$).

Более заметные изменения происходят в соотношении вариантов аффиксов. В украинском языке XVI—XVIII вв. удерживаются и даже получают большее распространение употребляемые и в украинско-белорусском деловом языке XIV—XV вв. церковнославянские варианты восточнославянских аффиксов. При этом в соотношении традиционных восточнославянских и церковнославянских вариантов произошли ощутимые функ-

²⁵ Этот и последующие примеры см. в работе: П. Ж и т е ц к и й, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в., Киев, 1889, стр. 53.

циональные изменения. В деловом языке XIV—XV вв. церковнославянские элементы, естественно, не были признаком стиля. Их наличие или отсутствие скорее может объясняться территориальным происхождением памятника. Отдельные варианты церковнославянского происхождения, например, морфы *-ни-/ени-*, представляющие вместе с морфами $\frac{-н-/ен-}{-т-}$ аффикс страдательных причастий прошедшего времени, употреблялись без отчетливого стилистического назначения до конца XVII в. Однако в большинстве случаев в языке XVI—XVII вв. употребление вариантов церковнославянского происхождения (*-щ-* наряду с *-ч-*, $\frac{иш-/ис-}{со-}$ наряду с *э-/с-*, *раз-/рас-* наряду с *роз-/рос-*, *пре-* наряду с *пере-* и т. п.) было признаком высокого стиля.

Польский компонент в вариантных рядах почти не ощущается. Примером польского влияния следует считать только редко употребляемый вариант [зе-], принадлежащий в XVI — первой половине XVII в. к вариантному ряду $\frac{э-/э-, э-/сэ-, с-}{иэ-, иэть-/ис-} \left| \frac{эо-, [ээ-]}{со} \right.$, например: *зепсовати* (Розм., 100, Хр. п., 76).

Заметно пополняются вариантные ряды, особенно во второй половине XVII—XVIII вв., морфами народно-разговорного происхождения. При этом симптоматичным является допущение нормой донационального литературного языка лишь тех элементов, которые были свойственны украинскому языку в целом, во всей совокупности его местных разновидностей. Как правило, появление народно-разговорных вариантов было обусловлено действием аналогии или давлением фонологического уровня языка на морфологический. Так, наряду с инфинитивным вариантом суффикса глаголов I класса *-ова-* появляется вариант *-ува-* (*згадувати* Ак. Ст. ²⁶), вариантный ряд корневой морфемы *бы-* $\left| \frac{ес-}{буд-} \right.$ пополняется морфой *бу-* (*добувати* Вел., II, 162; *пробува/т/* К. Зин., 41; *пробути* В. 1786, 146), наряду с вариантом *-и* в формах мн. числа прошедшего времени распространяется морфа *-ы* (*говорили* В. 1786, 143; *прот*рлы* В. 1790, 109; *не жесали* В. 1786, 146), значительно активизируются ранее редко употребляемые варианты суффиксов прошедшего времени *-въ*, *-е/-ё* (*стае/т* В. 1786, 146; *крае* АКПГУ, I, 27; *обещовася* ЖГС, 15 об.; *рассказе/т* Прот., 60; *украе* К. Зин., 32 об.; *пользе/т* В. 1790, 109), выступают варианты префиксов, отражающие озвонченное произношение отдельных глухих согласных и их вокализацию на стыке морфем (*о/ѡ/* — *праве/т/* ЖГС, 35 об.; *одо-слалъ* Вел., II, 364, *одобрати* Вел., II., 180), в глаголах I спряжения в 3-м лице ед. числа наряду с традиционными морфами *-тъ* и *-ть* выступает нулевая морфа (*думает* В. 1790, 109; *не хоче* В. 1790, 109; *не може* ЖГС, 33; *не зможе* К. Зин., 56; *повѣдае* К. Зин., 64; *достане* Мил. б., 372а; *буде* Вел., II, 108) и т. д.

Возрастание народно-разговорных элементов в украинском литературном языке донационального периода не изменяло его структуры, так как оно происходило в основном в пределах существующих микроструктур — вариантных рядов, которыми представлены морфемы.

Допустимость определенных народно-разговорных элементов в литературном языке донационального периода в большой мере обусловила нормы национального литературного языка. Этот момент следует особенно подчеркнуть, потому что одним из популярных в наше время взглядов

²⁶ См.: Ф. А. Непийвода, *Форми дієслів в «Актовій книзі Стародубського міського уряду 17 ст.»*, «Наук. зап. Черкаськ. держ. пед. ін-ту ім. 300-річчя возз'єднання України з Росією», V. Серія філолог. наук, 5, 1960, стр. 168.

на закономерности образования большинства современных литературных языков (в частности тех, что развивались на основе параллельного функционирования донационального литературного языка народности и структурно близкого к нему международного языка) базируется на констатации разрыва между донациональным и национальным литературными языками²⁷.

Норма литературного языка национального периода, особенно в период его зарождения, отличается ориентацией на народно-разговорные формы. В литературный язык допускаются лишь те элементы, которые соответствуют современному состоянию и историческому прошлому его структуры. Следовательно, норму национального литературного языка можно рассматривать как среднее звено в цепи: система (структура) — норма — индивидуальная речь (текст). Подобный взгляд на норму национального литературного языка устанавливается в работах советских и чехословацких лингвистов²⁸. Базой нормы национального литературного языка от самого его зарождения является определенный литературный образец. Для морфологического — наиболее показательного в создании нового литературного языка²⁹ — яруса в истории национального украинского языка подобным образом были, прежде всего, допустимые в литературно-письменном языке донационального периода народно-разговорные варианты морфем. Высказываемое в дореволюционной и советской лингвистике мнение о том, что в XVIII в. происходит разрыв с традицией старого украинского литературного языка³⁰, основано на недооценке присутствия старой нормы в новом литературном языке³¹.

Признание нормализующей роли донационального литературного языка в становлении национального литературного языка ни в какой мере не находится в противоречии с тем положением, что основными компонентами современных литературных языков являются народно-разговорный язык города, территориальные диалекты и язык фольклора. Справедливость этого доказывается анализом украинских письменных источников XVIII — первой половины XIX в., отражающих процесс развития нормы национального украинского языка дошевченковского периода.

Уже автор первой украинской грамматики А. Павловский, говоря об источниках украинского литературного языка, называл живой разговорный язык городских жителей среднего сословия и язык фольклора³². Что же касается литературного языка донационального периода как регулятора новой нормы, то он, наряду с двумя остальными, реализуется в творчестве украинских писателей — известных и анонимных. Нормы древнего языка служат своеобразным фильмом при введении народно-

²⁷ Ср.: Н. И. Толстой, Славянские региональные литературные языки и их функции в современный и донациональный период, «Славянские литературные языки в донациональный период», стр. 15—16.

²⁸ См.: Ю. С. Степанов, Основы языкознания, М., 1966, стр. 99; М. А. Жоборух, Прогноз теоретичний аспект культури української мови, «Мовознавство», 1967, 3, стр. 53—60; М. М. Пилинський, Поняття «норми» і культура мови, «Мовознавство», 1968, 4, стр. 69; А. Jedlička, указ. соч., стр. 117, и др.

²⁹ См.: Г. О. Винокур, Избр. работы по русскому языку, М., 1959, стр. 126.

³⁰ См.: П. Житецький, «Енеїда» Котляревського в зв'язку з оглядом української літератури XVIII ст., Київ, 1919, стр. 94; Ф. Т. Жилко, Некоторые особенности развития украинского национального языка, сб. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков», стр. 107 и др.

³¹ На это указывал уже И. К. Белодед при анализе структурных компонентов языка Т. Г. Шевченко. См.: И. К. Білодід, Т. Г. Шевченко в історії української літературної мови, Київ, 1964, стр. 19.

³² А. л. Павловскій, Грамматика малороссійскаго нарѣчія, СПб., 1818, стр. 110.

разговорных форм в новый литературный язык. Количество узкодиалектных форм в это время не только не возрастает, но даже уменьшается. Так, традиционно употребляемые в литературном языке донационального периода личные аффиксы прошедшего времени в литературных произведениях с территорий Поднепровья и Левобережья исчезают; они выступают как живые только в языке западноукраинских писателей (М. Шашкевича, И. Вагилевича, Я. Головацкого и др.) и регламентируются западноукраинскими грамматиками, например «Грамматикой языка славенор8ского» И. Могильницкого (1823). Из большого количества графических и фонетических вариантов аффикса инфинитива, свойственных литературному языку донационального периода, в языке писателей с Поднепровья в конце XVIII — первой половине XIX в. остаются лишь *-ти/-ты* и *-ть*. Традициями старого литературного языка можно объяснить и наличие в грамматиках и словарях того времени действительных причастий на *-чий*: *квитнуций* Б.-Нос., 182; *торохтячий* Б.-Нос., 355; *пишучий* Б.-Нос., 390, и др. Старый украинский литературный язык почти не знал действительных причастий прошедшего времени с суффиксами *-ви/-и*. Вместо них развиваются формы на *-лий*, например: *збѣснѣлый* В., 187; *прилежыхъ* Пер., 211; *припалую* В. Цн., 12; *згиноулю* Бер., 65, и др. Эта тенденция была унаследована и новым украинским литературным языком. Формы действительных причастий прошедшего времени с морфемой *-ви/-и* употребляются в нем лишь со стилистической целью. Зато формы на *-лий* становятся вполне закономерными и стилистически нейтральными.

Употребление вариантов суффикса прошедшего времени $-л/\frac{-л}{-о}$, характерных и для донационального литературного языка, в национальном языке обусловлено лишь фонологической позицией: *не чула* Б. Кукул., 50 об.; *забув* Котляр., 2,6; *змерз* Инт., 131. То же самое можно сказать об употреблении вариантов аффикса страдательных причастий прошедшего времени. В активном употреблении остаются только узаконенные старым литературным языком фонетические и морфологические варианты, свойственные большинству говоров украинского языка: $\frac{-н/-ен}{-м}$, $\frac{-ен}{-м}$.

Другие возможные варианты, фиксируемые этнографически-диалектологическими записями позднейшего времени, в том числе и на территории Поднепровья, в новом литературном языке не используются. Это, в частности, касается варианта *-ян*-, широко распространившегося в юго-восточных говорах (типа *принесяна* Крим., Звин., 16; *зробляна* Крим., Звин., 17, *городяно* Крим., Звин., 31 и др.).

Новый украинский литературный язык унаследовал от старого, донационального, суффиксы глагольных основ. И здесь древние, традиционные морфы сохраняют более прочные позиции, чем их народно-разговорные фонетические варианты. Например, из двух параллельно функционировавших до середины XIX в. инфинитивных вариантов суффикса основы I класса *-ова-* и *-ува-* значительно чаще употребляется первый, например: *розказовав*, *жаловався* Котляр., 2,10; *танцював* Котляр., 2,23, *мальовав* Кв.-Основ., 3; *розказовав* Кв.-Основ., 4, и др. Не последнюю роль сыграли древние литературные образцы и в становлении системы префиксов в новом украинском литературном языке.

В качестве ориентира для становления национального литературного языка не обязательно выступает донациональный литературный язык этого же этнического единства. Бывают случаи, когда роль образца играет национальный литературный язык близкого народа. Например, немалое значение в истории словацкого национального литературного языка

имел чешский литературный язык, выступающий в качестве образца при создании переходных литературно-письменных языков донационального периода, в частности бернолаковщины, способствующей появлению позднейшей штуровщины³³. Р. Оти справедливо замечает, что «для словаков... чешский язык был тем же, чем являлся для ортодоксальных славян церковнославянский язык; и он не мог не замениться новым литературным языком, который базировался бы на живых народных говорах»³⁴.

Характерной тенденцией в развитии национальных литературных языков является интеграция диалектов. Ее можно обнаружить в любой из периодов истории литературного языка, даже тогда, когда диалектная основа как таковая утрачивается и ее место занимают различные смешанные говоры, местные варианты просторечья³⁵. И диалекты (генетически целостные единицы), и местные просторечные варианты (смешанные системы, образованные на основе одного или нескольких диалектов, литературного языка, иноязычных нелитературных заимствований и местных инноваций) постоянно взаимодействуют с национальным литературным языком, составляют его питательную среду, являются залогом его развития.

Ведущую роль в регулировании взаимосвязей литературного языка, диалектов и других нелитературных разновидностей, охватываемых влиянием определенного литературного языка, играет язык художественной литературы. Последний в значительной степени является индивидуальным (в поэзии) или индивидуализирующим (в прозе и особенно в драматургии). Поэтому «...в прозе, особенно там, где этого требует идейный замысел писателя, жанр произведения (ср., например, способы стилизации языка эпохи в историческом романе) и его композиция, можно мобилизовать „архивные средства“ языка, можно использовать элементы классовых жаргонов социально-групповых или народно-региональных способов выражения; в качестве иллюстрации можно назвать документальное использование стилей литературных и исторических памятников. Однако язык истинно художественного произведения не должен слишком далеко отходить от структуры, от основ общенародного языка»³⁶, т. е. от кодифицированного национального литературного (стандартного) языка.

Так, в языке украинской классической и современной художественной литературы можно найти те формы выражения грамматических категорий, которые были свойственны литературному языку донационального периода или представлены в современных украинских говорах. Примером использования в художественной литературе морфологических средств, соответствующих нормам старого украинского литературного языка, могут быть личные формы глагола *бути*. Ср.: «...диравилъ еси себѣ уши часто, а приправлялъ еси заушницѣ з перель...» (ДОС, 30) — «Слава тобі, Шафаріку, Вовіки і віки! Що звів еси в одно море Слав'янські ріки!» (Шевч., I, 263); «...иже ес'мо еще нѣколи таковоу рѣчи не видалі» (ПЕ, 138) — «...Ми відкинули назву „українофілі“, а звемось просто українці, бо ми такими ес'мо» (Українка, 9, 63); «...ваши милости, ксендзове бискупі, тое славите в своем писаню, што есте возлюбилі...» (В., 66) — «Ви месники есте» (Бажан, 22) и т. п. Употребление устаревших форм и конструкций в языке современной художественной литературы —

³³ Л. Н. Смирнов, О роли А. Бернолака (1792—1813) в истории словацкого литературного языка, «Славянские литературные языки в донациональный период (Тезисы докладов)», стр. 18—19.

³⁴ R. A u t y, указ. соч., стр. 168.

³⁵ Ср.: А. М а р т и н е, Основы общей лингвистики, сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 511.

³⁶ St. U r b a ŋ i c z y k, указ. соч., стр. 22.

это проявление присутствия старой нормы в системе норм языка современной художественной (и публицистической) литературы.

Еще более отчетливо выступает этническая обусловленность системы норм: охват практически всей совокупности форм, представленных в подвергающихся влиянию литературного языка диалектах. Проникновение их в язык художественной литературы является ярчайшим свидетельством направленности нормы национального литературного языка на общенародный язык, представленный в его территориальных и социальных проявлениях. В современной украинской литературе представлены почти все диалектные системы глагольных форм. Например, наряду с возвратным аффиксом *-ся/-сь* фиксируется западноукраинский *си* (*переродив си* Стеф., 1, 216); наряду с аффиксами *-и-ть*, употребляемыми в качестве показателей 3-го лица ед. числа глаголов II спряжения, выступает юго-восточная форма на *-е-ѣ* (*мороче* Кроп., 5, 563, *позице* Стор., 233), нулевой вариант показателя 3-го лица ед. числа возможен и в глаголах I спряжения, где он выступает в позиции после сокращенного суффикса основы (*балака*, *слуха* Шевч., 1, 116, *позира*, *спостеріга* Кроп., 5, 563, *одбива* Коцюб., 2, 107 и др.); в 3-м лице мн. числа может выступать *-т* — диалектный (юго-западный) вариант личного окончания (*продают* Стеф., 1, 75, *в'янут*, *гинут*, *плачут* Стеф., 1, 216 и др.); встречаются личные формы прошедшего времени (*був-ем*, *взив-ем*, *ілав-ем* Стеф., 76, *вчитали-смо* Правда, 74) и др.

Употребление диалектных и просторечных соответствий к традиционным вариантам является признаком языка художественной литературы, особенно прозы и драматургии. Принято считать, что в таких случаях авторы отступают от нормы³⁷. В этом проявляется смещение двух близких, но далеко не идентичных понятий: нормы и кодификации³⁸. Норма регулирует развитие литературного языка как определенного исторического явления, развивающегося путем интеграции нескольких исторически изменяющихся языковых систем: системы донационального литературного языка, международного донационального или близкородственного другого национального языка, системы устноразговорного языка ведущего в истории народа центра, системы языка фольклора, системы одного или нескольких территориальных проявлений (диалектов), системы других литературных языков, находящихся в контакте с данным литературным языком.

В истории конкретного литературного языка роль каждого из названных источников не одинакова. Некоторые из них (например, система другого близкородственного донационального или национального языка) вообще могли не принимать участия в его формировании. Однако неоспоримо, что основным приобретением национального литературного языка является выработка на базе ряда источников стойких культурных традиций. «Писать сегодня так, как говорит народ, понимая это дословно, — замечает Л. Ионке, — означало бы возврат к прошлому, утрату драгоценного обогащения литературного языка, возврат к фольклору, а то и к диалекту... Пословица XX в. („Пиши, как пишут хорошие писатели!“) включает в себя и пословицу XIX в. („Пиши так, как говорит народ!“); она не отрицается, а лишь расширяется и обогащается»³⁹.

³⁷ См.: Л. В. Щербач, Спорные вопросы русской грамматики, «Р. яз. в шк.», 1939, 1, стр. 10; Ш. Балли, Французская стилистика, М., 1961, стр. 249.

³⁸ Ср.: «Норма устанавливается учреждениями или авторитетными лицами и предписывается обществу» (Т. П. Ломтев, Язык и речь, «Вестник МГУ», VII, 1961, 4, стр. 65).

³⁹ L. Jonke, Književni jezik i teoriji i praksi, «Znanje», Zagreb, 1964, стр. 16.

В отличие от нормы кодификация является результатом научного познания закономерностей проявления нормы на определенном этапе развития языка и представляет собой собрание правил об употреблении слов и форм во всех стилях литературного языка⁴⁰. Степень кодификации литературного языка не одинакова в различные периоды его развития. Так, приведенные выше примеры употребления диалектных вариантов в языке украинской художественной литературы имеют различное отношение к кодификации в дореволюционный и послереволюционный периоды. Кодификация — это прежде всего наличие грамматик и словарей. Чем их больше, чем шире ими пользуются, чем меньше в них расхождений и противоречий, тем выше степень кодифицированности литературного языка. Недостаточное количество такой литературы отрицательно сказывалось на развитии украинского литературного языка дореволюционного периода. Частные дискуссии по поводу нормативности или ненормативности определенных слов и форм в какой-то мере способствовали унификации литературного языка, но в большинстве случаев все же кончались бесплодно, так как отсутствовало надлежащее научное описание системы языка. В советское время ситуация коренным образом изменилась. Наличие нормативных (кодификационных) грамматик и словарей, преподавание украинского языка в средней и высшей школе — это серьезные фильтры для проникновения в литературный язык диалектных и других слов и форм⁴¹.

Некодифицированные элементы квалифицируются в нормативных грамматиках и словарях как областные, диалектные, разговорные, жаргонные и т. п. Следовательно, нормы украинского литературного языка допускают их употребление, однако с учетом кодифицированности они могут быть использованы лишь в некоторых функциональных стилях и с определенным экспрессивным назначением. Нормированность языка выступает в виде двух ярусов: верхнего (кодифицированные элементы) и нижнего (некодифицированные, но системно обусловленные и исторически оправданные нормативные варианты, употребляемые преимущественно со стилистической целью). Кодификационные принципы наиболее полно проявляются в специальных стилях языка. В рамках художественной литературы, а также эпистолярной и частично публицистической возможно употребление вариантов языковых средств, не кодифицированных, но и не противоречащих существующим нормам слово- и формоупотребления.

Как видно, вопросы нормы на различных этапах развития славянских языков рассматриваются неодинаково. Изучение конкретных проявлений языковой нормы в славянских языках может явиться одним из оснований пока еще не созданной сравнительной истории славянских литературных языков⁴².

⁴⁰ B. Havránek, Studie o spisovném jazyce, Praha, 1963, стр. 119; A. Jedlička, K problému normy a kodifikace spisovné češtiny (oblastní varianty ve spisovné normě), SaS, XXIV, 1, 1963, стр. 9 и др.

⁴¹ І. К. Білодід, Контакти української мови з іншими слов'янськими та уніфікація її усної літературної форми, Київ, 1968, стр. 24.

⁴² B. Havránek, Charakter a úkoly srovnávacího studia spisovných jazyků slovanských, «Slavia», XXVII, 2, 1958, стр. 153.

ЛИТЕРАТУРА

(принятые в статье сокращения названий)

- Ак. Ст. — «Актовая книга Стародубского городского уряда 1693 г.», под ред. В. Л. Модзалевского, Чернигов, 1914.
- АКПГУ — «Актовые книги Полтавского городского уряда XVII века», ред. и примеч. В. Л. Модзалевского, I—II, Чернигов, 1912.
- АЮЗР — «Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею по разбору древних актов...», ч. 1, т. I, Киев, 1859; ч. 8, т. III, Киев, 1909.
- В. Кукул. — рукописная книга с записями религиозных и светских народных песен, сделанными Б. Кукуловским в 1791 г. Хранится в Отделе рукописей ЦНБ АН УССР, инв. н. I. 7541.
- Бажан — М. Бажан, Наша рідна Москва, Київ, 1951.
- Бер. — «Вѣршѣ» П. Беринды (В. Резанов, Драма українська, I, Київ, 1926).
- Б.-Нос. — П. Білецький-Носенко, Словник української мови, Київ, 1966.
- В. — И. Вишневский, Соч., М. — Л., 1955.
- В. 1786 — «Вѣрша» 1786 г. (сатира на духовенство). Содержится в рукописной книге конца XVIII в. «Наставления врачевная», хранящейся в Отделе рукописей ЦНБ АН УССР, инв. н. I. 7574.
- В. 1790 — «Вѣрша, сказиванна 1790 году в свѣтлый день князю Григорію Петровичу Потемкину козаками чорноморцами». Содержится в рукописной книге конца XVIII в. «Наставления врачевная», хранящейся в Отделе рукописей ЦНБ АН УССР, инв. н. I. 7574.
- Вел. II — «Лѣтопись событий въ Юго-Западной Россіи в XVII в. Составилъ Самойлъ Величко, бывший канцеляристъ канцеляріи Войска Запорожского, 1720», II, Киев, 1851.
- В. пн. — панегирик А. Митуры «Вѣзерункъ цнотъ» (В. Перетц, Панегірик «Вѣзерункъ цнотъ» перевел. о. Е. Плетенецкого, Київ, 1909).
- Галят. — І. Галытовский, Ключ розумѣнія, Київ, 1659.
- Гр. Влад. — Грамота польского короля Владислава 1379 г., Жидачев. Хранится во Львовском филиале Центрального исторического архива УССР, ф. 129, оп. 1, свит. 16, ед. хр. 6.
- ДОС — Ю. А. Яворский, Пропавшая западнорусская книга «Диалог о смерти» 1621 г., СПб., 1912.
- Ж. * — Актова книга Житомирского мѣського уряду кінця XVI ст. (1582—1588), Київ, 1965.
- ЖГС — Актовая книга Житомирского городского суда 1649—1650 гг. Хранится в Государственном историческом архиве УССР (Киев), ф. 11, оп. 1, ед. хр. 13.
- Інт. — «Українські інтермедії XVII—XVIII ст. Пам'ятки давньої української літератури», Київ, 1960.
- КА — Креховский Апостол. Рукопись хранится во Львовской библиотеке АН УССР под № 1291.
- Кв.-Осн. — Г. Квітка-Осн. Яненко, Вибрані твори в одному томі, Київ, 1937.
- К. Зин. — К. Зино́в'єв, Вірші і приказки. Машиннопись, подготовленная к печати И. П. Чепигой и В. П. Колосовой по рукописи, хранящейся в Отделе рукописей ЦНБ АН УССР, инв. н. VIII. 73.
- Котляр. — І. П. Котляревський, Повне зібрання творів у 2-х томах, Київ, 1952—1953.
- Коцюб. — М. Коцюбинський, Твори в 3-х томах, Київ, 1955.
- Крим., Звин. — А. Кримський, Звинигородщина з погляду етнографічного та діалектологічного, ч. I. Побутово-фольклорні тексти, Київ, 1928.
- Кроп. — М. Кропивницький, Твори в 6-ти томах, Київ, 1958—1959.
- Мил. б. — «Милость Божія», рукопись первой половины XVIII в. Хранится в Отделе рукописей ЦНБ АН УССР, инв. н. I. 6527.
- Пал. — «Палинодія» З. Копыстенского («Русская историческая библиотека», т. 4. Памятники полемической литературы в Западной Руси, кн. I, СПб., 1876).
- Пан. Рог. — панегирик М. Рогозе (С. Голубев, Панегірик, поднесений в 1591 г. Львовским братством митрополиту Михаилу Рогозе — отд. отт.).
- Пер. — «Пересторога» («Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссіею», IV (1586—1632, СПб., 1851).
- ПС — Пересопницкое евангелие 1556—1561 гг. Рукопись хранится в Отделе рукописей ЦНБ АН УССР, инв. н. I. 15512.
- Правда. — «Правда» 30 I 1876, Львов.
- Прот. — «Протокулъ до записована справ поточныхъ на рокъ 1690», Чернигов, 1852.
- Роз. * — В. Розов, Южнорусские грамоты, I, Киев, 1917.

* В сокращениях, обозначенных звездочкой, последующие цифры соответствуют номеру документа. В остальных сокращениях цифрами обозначены том и страница.

- Розм.— «Розмышляньє о муцѣ Христа Спасителя нашего» И. Волковича (В. Резанов, Драма українська, 1, Київ, 1926).
- Стеф.— В. Стефаник, Повне зібрання творів у 3-х томах, Київ, 1—1949, 2—1953, 3—1954.
- Стор.— О. Стороженко, Твори в двох томах, 1, Київ, 1957.
- Українка — Л. Українка, Твори в 10-томах, Київ, 1963—1965.
- Укр. гр.* — «Українські грамоти XV ст.», Київ, 1965.
- Улян.* — В. О. Уляницький, Материалы для взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XV вв., М., 1887.
- ЦАЛМ — А. Лазаревский, Цеховые акты Левобережной Малороссии (1622—1645) (отд. отт.).
- Шевч.— Т. Шевченко, Повне зібрання творів у 10-ти томах, Київ, 1—1951, 2—1953.
-